

A close-up portrait of a woman with light brown hair and eyes, wearing a brown knit sweater. She is looking slightly to the side with a gentle smile. The background is a blurred autumn scene with yellow and orange leaves.

Алиса Градова

РАЗВОД

**Пять дней до
новой жизни...**

Алиса Градова

Развод. Пять дней до новой жизни...

<https://litres.ru/74450379>

Аннотация

«У тебя пять дней, Марина. В воскресенье Алиса переедет сюда».

Двенадцать лет брака Вадим перечеркнул будничным тоном за утренним кофе, намазывая абрикосовый джем на еще теплый сырник. Без криков, без раскаяния, с безупречной логикой топ-менеджера он сообщил, что его беременной женщине нужна чистая квартира в хорошем районе. А Марине пора освободить жилплощадь. Ведь квартира досталась ему от бабушки еще до брака, а то, что все эти годы она обустроивала их общий быт, оплачивала ремонты и вкладывала душу в каждый метр, — в расчет не принимается.

Отказываясь быть жертвой, Марина забирает купленные на свои деньги вещи и уезжает в деревню Озёрное — в старый домик покойной тети Веры, который когда-то чудом спасла от продажи. Но долгожданное убежище встречает ее разгромом, следами чужого присутствия и спрятанным под ковром обрывком картона с отчаянной мольбой о помощи.

Марине предстоит не просто начать жизнь заново, но и бросить вызов банде черных риелторов, спасти человеческие жизни и понять: крушение привычного мира стало началом ее пути к настоящему дому и искренней любви.

Содержание

Глава 1. Утренний кофе со вкусом предательства	5
Глава 2. Стадии принятия и чужая правда	11
Глава 3. Руины на восьмом этаже	20
Глава 4. Горькая мудрость Лидии Петровны	26
Глава 5. Семейный совет на тесной кухне	33
Глава 7. Маленький брелок в форме дома	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Глава 1. Утренний кофе со вкусом предательства

— У тебя пять дней, Марина. В воскресенье Алиса переедет сюда.

Вадим произнес это так спокойно и буднично, словно просил жену достать с верхней полки гардероба сезонные вещи. Он сидел во главе кухонного стола в ослепительно белой выглаженной рубашке, неторопливо потягивал свежесваренный кофе и намазывал абрикосовый джем на еще теплый творожный сырник.

За кухонным окном восьмого этажа октябрьский ветер гонял по асфальту тяжелые мокрые листья. Во дворе дворник в оранжевом жилете методично скреб лопатой дорожку, кто-то торопливо вел ребенка в школу, а на широком подоконнике мерно тикали настенные часы — подарок родителей Марины на их десятую годовщину свадьбы.

Марина замерла с фарфоровым кофейником в руках. Слова мужа скользнули по краю сознания, не связавшись в логическую мысль. Она смотрела на его безупречный пробор, на аккуратно завязанный галстук и не понимала, почему прозвучало незнакомое женское имя.

— Какая Алиса? — переспросила она, чувствуя, как внутри зарождается непонятный, липкий холод.

Вадим тихо вздохнул. В этом вздохе не было ни вины, ни тяжести раскаяния — скорее привычная усталость человека, которого из раза в раз заставляют повторять прописные истины.

— Марин, давай только без дешевых сцен. Ты прекрасно понимаешь, о ком идет речь.

— Нет. Я не понимаю.

— Алиса — женщина, которую я люблю.

Он отложил десертный нож, вытер кончики пальцев сложенной льняной салфеткой и бросил короткий взгляд на циферблат наручных часов. Марине вдруг бросилась в глаза нелепая мелочь: крошечная крошка джема у него на манжете, совсем маленькая, почти незаметная на белой ткани. Рука Марины машинально дернулась вперед — стряхнуть, поправить, разгладить складку, как она делала это каждое утро на протяжении двенадцати лет их совместной жизни. Марина даже сделала шаг, но в следующую секунду смысл услышанного наконец пробил глухую стену в ее голове.

— Ты... что?

— Я не планировал говорить на бегу, — с легким налетом раздражения ответил Вадим. — Но сегодня я уезжаю в Ярославль, а дальше тянуть уже некуда. Алиса беременна. Ребенок мой. Мы все обсудили и решили жить вместе.

Ноги отказались держать Марину. Она медленно, словно двигаясь под толщей воды, опустилась на деревянный стул напротив мужа.

Всего десять минут назад все было привычным и безопасным. Десять минут назад Вадим с аппетитом ел сырники, хвалил их пышность, говорил, что у нее золотые руки и что в провинциальной гостинице он будет сильно скучать по ее домашним завтракам. Он попросил положить в дорожную сумку мягкий серый джемпер, потому что прогноз обещал резкое похолодание. Он поцеловал ее в макушку, когда проходил мимо плиты за первой чашкой кофе.

А теперь он сидел перед ней и невозмутимо сообщал, что через пять дней на эту кухню войдет чужая женщина.

— Ты же... ты же говорил, что у тебя важное совещание в филиале, — выдохнула Марина, цепляясь за обрывки прежней реальности.

— Я и еду на совещание. Одно другому не мешает. Дела требуют присутствия.

— А вчера вечером? Вчера ты говорил, что любишь меня. Вадим устало потер переносицу двумя пальцами:

— Марина, взрослые люди часто произносят привычные слова. Это социальный ритуал, элемент комфорта. Не нужно цепляться за каждую дежурную фразу и устраивать допрос с пристрастием.

— Значит, ты меня не любишь?

— Я люблю тебя как близкого, родного человека, — в его голосе зазвучали гладкие, выверенные интонации. — Мы прожили бок о бок почти двенадцать лет. Это огромный кусок жизни, его невозможно просто вычеркнуть или забыть.

Но как женщину? Нет, Марина. Уже давно нет.

Он говорил ровно, методично, точно выступал на квартальном отчете перед советом директоров. Вадим руководил отделом продаж в крупной строительной компании и виртуозно умел преподнести любую информацию так, чтобы собеседник почувствовал себя безнадежно отставшим от жизни и неловким. Даже сейчас в его тоне сквозила снисходительная, уверенная доброжелательность, с которой он обычно убеждал клиентов выбрать дорогостоящую планировку или подписать дополнительное соглашение до конца отчетного месяца.

— Давно? — голос Марины сорвался на глухой шепот.

— Что — давно?

— Ты давно перестал меня любить?

Вадим на секунду задумался, глядя в окно поверх ее головы:

— Наверное, года два. Может быть, чуть больше.

— А... Алиса?

— Мы познакомились прошлой осенью на профильной выставке.

Перед внутренним взором Марины мгновенно пронеслись картины прошлого года. Ноябрь. Именно тогда Вадим впервые начал класть смартфон на стол экраном вниз. Тогда же он стал выходить на холодную лестничную площадку, чтобы «решить рабочий вопрос без шума». Вспомнился вечер, когда он вернулся далеко за полночь, пахнувший сырým

дождем и незнакомым табаком, объяснив опоздание закрытием сложного этапа с подрядчиками.

Она тогда спросила его прямо, глядя в глаза: не появилась ли у него другая? Вадим громко и искренне рассмеялся, обнял ее за плечи, поцеловал в висок и назвал глупенькой фантазеркой, пересмотревшей сентиментальных сериалов. А на следующий день принес в подарок массивный флакон духов. Марина никогда не пользовалась этим ароматом — он казался ей удушающе, приторно сладким. Флакон так и стоял на туалетном столике в спальне, почти нетронутый.

— Ты мне врал, — констатировала она, чувствуя, как леденеют кончики пальцев.

— Я просто старался тебя не травмировать раньше времени.

— Ты врал мне каждый день. Смотрел в глаза, спал в одной постели и врал.

— Ну вот, начинается, — Вадим недовольно откинулся на высокую спинку стула и скрестил руки на груди. — Я прекрасно понимал, что первая реакция будет эмоциональной. Это вполне естественно. Психике нужно время. Сейчас у тебя фаза отрицания. Потом наступит злость, пойдут бессмысленные обвинения, попытки все вернуть. Дальше неизбежно навалится апатия. Но если ты проявишь благоразумие и не станешь бороться с очевидными фактами, мы оба пройдем этот кризис значительно быстрее и без лишней грязи.

Марина смотрела на него, не моргая. Каждое его слово

падало в тишину кухни, словно кусок сухого льда.

— Ты... ты заранее отрепетировал эту лекцию?

— Я читал соответствующую литературу по психологии кризисов, — невозмутимо парировал он. — Я хочу, чтобы мы расстались цивилизованно. Мы взрослые, интеллигентные люди.

— Цивилизованно? — Марина горько усмехнулась. — Цивилизованно — это когда муж заводит беременную любовницу и дает законной жене пять дней на выселение?

Глава 2. Стадии принятия и чужая правда

Лицо Вадима скривилось, словно он раскусил незрелый лимон.

— Не называй Алису любовницей. Это звучит пошло и некрасиво.

— А как прикажешь ее называть?

— Женщиной, с которой я собираюсь связать дальнейшую жизнь и создать полноценную семью.

— А мы с тобой что создавали двенадцать лет? Скажи мне, Вадим. Что мы строили все эти годы?

Он ответил не сразу. Неторопливо взял чашку, сделал глоток остывающего напитка, аккуратно поставил фарфор обратно на блюдце и лишь затем произнес:

— Мы пытались. У нас не получилось.

Эти короткие слова ударили Марину под дых сильнее, чем само признание в измене. В этой фразе крылся весь Вадим. Она вдруг с кристальной, беспощадной ясностью увидела их прошлую жизнь его глазами. В ней не было ни семьи, ни общего уютного дома, ни двенадцати лет взаимной заботы, бесед до утра и преодоления трудностей.

В его представлении это был всего лишь неудачный коммерческий проект. Эксперимент, который показал отрица-

тельную рентабельность, и теперь совет директоров в его лице принял рациональное решение зафиксировать убытки, списать активы и открыть новое, куда более перспективное направление.

— Почему именно пять дней? — спросила Марина, заставляя себя говорить ровно.

— Потому что в воскресенье Алису официально выписывают из стационара, — терпеливо, точно ребенку, принялся объяснять Вадим. — Она провела две недели на сохранении. Врач категорически запретил ей нервничать и мотаться по съемным квартирам. Ей нужен абсолютный покой и привычные удобства. Здесь прекрасный район, в двух шагах парк для прогулок, через дорогу женская консультация и детская поликлиника. В будущем будет очень удобно гулять с коляской.

Марина невольно повернула голову к окну. За кронами деревьев во дворе действительно виднелась кирпичная ограда школы и аккуратные дорожки сквера. Когда они только поженились и въехали в эту квартиру, Вадим с воодушевлением рассказывал, что лучшего места для их будущих детей просто невозможно представить.

Марина тогда лично выбирала самые светлые, экологичные обои, чтобы комнаты казались просторнее и наполнялись воздухом. Она три месяца уговаривала его заменить старые чугунные трубы на долговечный пластик. Она полностью оплатила современную кухню из денег, полученных

за самый сложный годовой аудит крупного завода, где работала без выходных почти полгода. Два месяца по вечерам после основной работы она собственными руками вымывала едкую известковую пыль после строителей, бережно оттирала плитку и радовалась каждому новому светильнику.

Детей у них так и не появилось.

Первые три года Вадим убеждал, что надо подождать: сначала встать на ноги, закрыть потребительские кредиты, сделать идеальный ремонт. Потом он заговорил о том, что руководство холдинга обещает ему пост вице-президента, и сейчас не время отвлекаться на пеленки. Позже начались разговоры о нестабильности в стране, о тревожных временах и о том, что с детьми спешить не стоит.

Когда Марина, устав от пустых обещаний, мягко предложила вместе пройти комплексное обследование в репродуктивном центре, Вадим лишь отмахнулся: «У меня со здоровьем все в полном порядке, не выдумывай проблем на ровном месте».

— А Алиса, значит, решила не ждать подходящего момента? — тихо, без интонации спросила она.

— Марина, не начинай язвить.

— Я просто хочу понять логику. Со мной ты двенадцать лет ждал идеальных условий, карьерного роста и стабильности. А с ней идеальный момент наступил за несколько месяцев?

— Так сложились обстоятельства, — отрезал Вадим, и в

его голосе впервые прорезались жесткие ноты.

— Нет, Вадим. Обстоятельства сами по себе не снимают номера в отелях и не обманывают годами жен. Это ты сам все так сложил. Своими руками.

Вадим резко вскинул на нее холодный взгляд, но мгновенно вернул себе маску безупречного самообладания:

— Вот именно поэтому нам необходимо разъехаться как можно быстрее. Сейчас в тебе говорит уязвленная женская гордость и слепая обида. Пройдет время, ты остынешь, взглянешь на ситуацию со стороны и поймешь, что я поступил предельно честно.

— Честно? — переспросила Марина.

— Да. Я мог бы продолжать жить на две семьи, врать, выкручиваться, тянуть резину годами. Поверь, подавляющее большинство мужчин на моем месте поступили бы именно так. Но я выбрал открытую правду.

Марина неожиданно для самой себя коротко рассмеялась. Смех получился хриплым, царапающим горло.

— Ты выбрал так называемую правду только тогда, когда твоя женщина забеременела, живот перестал скрываться под одеждой и прятать ее стало попросту неудобно!

Вадим решительно поднялся из-за стола, поправил манжеты рубашки и бросил взгляд на чемодан, стоявший в коридоре:

— Я не намерен тратить время на бессмысленный базарный скандал. Мое такси в аэропорт будет через двадцать ми-

нут.

— Значит, все решено окончательно?

— Да. Бесповоротно.

— И документы на расторжение брака ты, разумеется, тоже уже подготовил?

Вадим отвел глаза всего на долю секунды. Но этой крошечной заминки Марине было более чем достаточно.

— Я подал заявление через электронный портал на прошлой неделе, — сухо сообщил он. — Тебе должно прийти официальное уведомление на почту.

Марина почувствовала, как по спине пробежал ледяной озноб. На прошлой неделе... В прошлую субботу Вадим неожиданно сам пригласил ее в уютный итальянский ресторан. Сказал с улыбкой, что они сто лет никуда не выбирались вдвоем. Сам выбрал ее любимое белое сухое вино, заказал пасту с морепродуктами, весь вечер весело рассказывал курьезные истории про новых стажеров в компании, а по дороге домой, кутая ее в свое пальто, бережно держал за руку. Марина тогда наивно подумала, что черная полоса отчуждения наконец позади, и их отношения снова обретают былую нежность.

А оказывается, в тот самый вечер заявление о разводе уже лежало в судебной канцелярии.

— Ты все рассчитал заранее, — прошептала она.

— Я просто позаботился о том, чтобы процесс прошел организованно, без лишней волокиты и юридической суеты.

— И куда, по-твоему, я должна пойти?

— У тебя есть родители, — пожал он плечами, словно вопрос был до смешного элементарным.

— У родителей двухкомнатная хрущевка на сорока двух квадратах. Там живут отец с матерью, мой брат Денис с Оксаной и их трехлетний Мишка.

— Это временная мера. Ты работаешь ведущим аудитором, зарплата стабильная. Снимешь себе подходящую квартиру.

— А почему бы тебе не снять квартиру для Алисы? Хотя бы на первое время?

Вадим посмотрел на нее с искренним недоумением, словно она предложила сжечь пачку денег прямо посреди кухни:

— Потому что эта квартира принадлежит мне. Она досталась мне по завещанию от бабушки за два года до нашей с тобой свадьбы. Ты прекрасно знаешь букву закона.

— Знаю. Но капитальный ремонт здесь сделан на мои деньги.

— Давай не будем опускаться до мелочности, — брезгливо поморщился он. — Техникой мы пользовались совместно. Мебель тоже амортизировалась оба. Ты прожила в этой квартире почти двенадцать лет в абсолютном комфорте и не платила за аренду ни копейки.

Марина медленно опустила глаза на кухонную столешницу из массива ясеня. Дерево было теплым, гладким, с красивым природным рисунком. Она лично объездила пять ме-

бельных фабрик, чтобы найти именно этот оттенок. Вадим тогда настаивал на дешевом сером ламинате «под гранит», но Марина твердо стояла на своем. И когда гарнитур установили, он с довольной улыбкой обнял ее со спины и произнес: «Ну что ж, хозяйке виднее».

Хозяйке.

— Ладно, — выдохнула она, чувствуя, как внутри выгорает последняя капля боли, оставляя лишь холодную пустоту.

Вадим заметно расслабился, расправил плечи:

— Вот и отлично. Я всегда ценил в тебе женское благоразумие. Забери личные вещи, одежду, рабочий ноутбук, документы. По остальному имуществу договоримся позже, без спешки. Только умоляю: не устраивай постыдный раздел ложек, чашек и табуреток. Это выглядит крайне унижительно.

Смартфон в его кармане коротко завибрировал. Вадим достал аппарат, взглянул на экран, и его лицо мгновенно преобразилось. Жесткие складки у губ разгладились, во взгляде вспыхнула мягкая, беззащитная нежность. Так он когда-то, в далекой юности, смотрел на Марину.

— Мне пора выходить, — сказал он, пряча телефон. — Где лежит синяя папка с документами на автомобиль?

Марина не шевельнулась.

— Марин, я серьезно спрашиваю. Синяя пластиковая папка вчера лежала на комод.

Она медленно повернула голову в сторону коридора:

— В прихожей. В нижнем ящике тумбы под зеркалом.

— Спасибо.

Он вышел из кухни, уверенный, что разговор исчерпан и все точки расставлены. Марина сидела неподвижно и слушала. Вот выдвинулся ящик тумбочки. Вот щелкнули замки багажной сумки. Зашуршала плотная ткань его ветровки. Вадим вернулся в коридор, обулся и подошел к кухонному проему.

— Не сердись, — произнес он мягким, умиротворяющим голосом. — Обида тебе совершенно не идет.

Он шагнул вперед, наклонился, намереваясь по привычке запечатлеть прощальный поцелуй на ее щеке. Марина отшатнулась в сторону так резко и яростно, что с глухим стуком задела плечом дверной косяк.

На лице Вадима отразилось искреннее, глубокое удивление.

— Ну зачем ты так театрально реагируешь?

— Уходи.

— Я и уйду. Но ты все-таки постарайся полностью собраться к субботе. В воскресенье утром мы с Алисой приедем сюда, и мне бы очень не хотелось начинать новую семейную жизнь со скандалов и выяснения отношений на пороге.

Он взялся за дверную ручку, открыл замок, но на мгновение задержался на пороге:

— Да, чуть не забыл. Комплект ключей оставишь моей маме. У Тамары Борисовны есть свой дубликат, так что запирать квартиру от нас не имеет никакого смысла. И пожа-

луйста... не пытайся мне мстить. Я ведь тебе не враг.

Входная дверь мягко захлопнулась.

Глава 3. Руины на восьмом этаже

Несколько бесконечных секунд Марина стояла посреди прихожей в абсолютной, звенящей тишине.

Затем на лестничной площадке послышался глухой гул лебедки — приехал лифт. Раздался щелчок закрывающихся металлических створок, мотор загудел, унося Вадима вниз, к его новой, заранее спланированной жизни.

В квартире стало невыносимо, противоестественно тихо.

Марина медленно вернулась на кухню. На столе остывал его недоеденный сырник. Чашка с остатками темного кофе сиротливо стояла на блюде, салфетка была аккуратно сложена идеальным треугольником. Вадим даже ополоснул свою десертную ложку и положил ее в сушилку — маленький, до автоматизма доведенный жест безупречно воспитанного человека.

Она подошла к столу и увидела на светлой поверхности ясеня маленькое липкое пятно от абрикосового джема. Марина взяла поролоновую губку, смочила ее под краном, тщательно оттерла след. Затем замерла, посмотрела на свою дрожащую руку, сжимающую мокрую тряпку, и с силой швырнула ее в металлическую раковину.

— Хватит, — произнесла она в пустоту.

Собственный голос прозвучал чужим, надтреснутым и хриплым.

Телефон на подоконнике отозвался сухим, резким сигналом уведомления. Марина вздрогнула, решив на миг, что Вадим забыл что-то важное и пишет из такси. Но на темном экране светилась системная иконка портала государственных услуг: «Вам направлено судебное извещение по гражданскому делу».

Она разблокировала экран негнувшимися пальцами. Буквы перед глазами двоились и расплывались, но юридическая суть казенных строк читалась без труда: назначена дата предварительного судебного заседания по иску Крылова В. А. к Крыловой М. В. о расторжении брака.

Вадим не просто решил уйти сегодня утром. Он готовил этот плацдарм неделями, методично, шаг за шагом зачищая следы, просчитывая риски и оставляя законной жене ровно столько правды, сколько было безопасно и выгодно лично ему.

Марина не смогла бы потом вспомнить, сколько времени она простояла посреди кухни, глядя в одну точку на стене. Может быть, десять минут, а может, целый час.

Часы на подоконнике продолжали размеренно отсчитывать секунды, холодильник время от времени включался с негромким гудением, а за окном город жил своей привычной, суетливой жизнью. Женщина в ярко-красном пальто вела за руку девочку с белыми бантами. Возле третьего подъезда припарковался курьерский фургон доставки. Из соседней арки вышел седой мужчина в теплой куртке и повел на

поводке маленького пуделя. Никто в этом огромном городе не знал и не догадывался, что в типовой квартире на восьмом этаже только что хладнокровно, под чашку кофе, был уничтожен двенадцатилетний брак.

Марина заставила себя сделать шаг и медленно пошла по комнатам.

В спальне на широкой кровати лежал распахнутый чемодан — Вадим утром в спешке вынул из него лишнюю теплую рубашку. Дверцы платяного шкафа были приоткрыты. Его половина гардеробной оказалась заметно пустой. Значит, часть одежды, обуви и личных вещей он вывез заранее, мелкими партиями. Марина, погруженная в свои бухгалтерские балансы и отчеты, этого даже не заметила.

На верхней книжной полке стояла фотография в резной дубовой рамке — их спонтанная поездка в Казань три года назад. Вадим крепко обнимал ее за плечи, а Марина заразительно смеялась, щурясь от яркого полуденного солнца. Снимок сделал случайный прохожий на Кремлевской набережной. Они тогда весь день без усталости бродили по старым мощеным улочкам, покупали горячие эчпочмаки, спорили до хрипоты, в какой театр пойти вечером. И Вадим, целуя ее на ветру, клялся, что ровно через двадцать лет обязательно привезет ее сюда снова, чтобы отметить серебряную свадьбу.

Марина взяла тяжелую рамку в руки и долго, пристально вглядывалась в собственное счастливое лицо. Неужели уже тогда все вокруг было искусной фальшивкой?

Нет, наверное, не все. Когда-то, в самом начале, он действительно любил ее. Или ему просто было бесконечно удобно, что рядом находится спокойная, предсказуемая, домашняя женщина, которая умеет создавать идеальный уют, никогда не требует баснословно дорогих подарков, не закатывает сцен и всегда с глубоким пониманием относится к «сложностям его ответственной работы». Разница между любовью и комфортным использованием теперь казалась чудовищной.

Она перешла в гостиную. На стене висели дизайнерские часы, которые Марина выбирала две недели, объездив весь город. Под ними стоял широкий угловой диван с ортопедическим матрасом, купленный полностью на ее годовую премию. В углу уютно светился медный торшер, привезенный ими из романтической поездки к морю.

На кухне сверкала встроенная посудомоечная машина — за нее Марина лично выплачивала рассрочку полтора года. В ванной комнате стояла современная стиральная машина с сушкой. Даже тяжелые светонепроницаемые шторы блэкаут в спальне появились только после того, как Вадим стал жаловаться, что раннее летнее солнце мешает ему полноценно выспаться перед важными совещаниями.

И теперь сюда войдет Алиса.

Она откроет этот гардероб, разложит свои шелковые платья, расставит батарею кремов и баночек на стеклянной полочке в ванной, переставит чашки в кухонном шкафу. Возможно, она снимет фотографию из Казани, брезгливо выбро-

сит ее в мусорное ведро и повесит на ее место снимок первого УЗИ их будущего ребенка.

Внутри Марины вспыхнула такая слепая, испепеляющая ярость, что перехватило дыхание.

Она метнулась к кухонному блоку, распахнула нижний ящик, выхватила тяжелую чугунную сковороду с длинной деревянной ручкой и в упор уставилась на зеркальную дверцу духовки.

Один точный, сокрушительный удар — и закаленное стекло брызнет во все стороны миллионом мелких режущих осколков.

Еще один удар — и от дорогушей швейцарской кофемашины, которую Вадим выпросил себе на юбилей с их общего накопительного счета, останутся лишь перекрученные провода и куски черного пластика.

Можно выдернуть с корнем сетевые кабели, залить водой плазменную панель на стене, вспороть портновским ножом обивку нового дивана, сорвать со стен эти идеальные обои. Пусть его новая, счастливая жизнь начнется среди дымящихся руин и пепелища!

Марина сжала рукоять сковороды так сильно, что побелели костяшки пальцев.

И в этот момент ее взгляд упал на собственное отражение в темном стекле вытяжки.

Бледное, осунувшееся лицо. Растрепанные волосы. Широко распахнутые, безумные глаза. Женщина, стоящая на

границ истерического припадка.

«Нет, — обожгла внезапная, холодная мысль. — Не дождешься».

Она не станет той истеричной, неадекватной фурией, о которой Вадим потом с самодовольной улыбкой и снисходительным сочувствием будет рассказывать их общим друзьям и коллегам: «Вы же сами понимаете, как тяжело мне было с ней жить. Она устроила форменный погром. Слава богу, я вовремя принял мужское решение и ушел».

Марина медленно, контролируя каждое движение, опустила чугунную сковороду обратно на плиту. Подошла к вешалке, накинула легкую куртку, сунула в карман ключи и вышла из квартиры.

Глава 4. Горькая мудрость Лидии Петровны

В кабине лифта пахло чужими терпкими духами и влажной собачьей шерстью. На первом этаже у почтовых ящиков Марина столкнулась с соседкой из сорок второй квартиры, которая приветливо кивнула и поинтересовалась, не в отпуск ли собрался Вадим с таким огромным дорожным чемоданом.

— В командировку, — автоматически, без запинки ответила Марина.

Ложь сорвалась с языка сама собой. Марина еще не была готова произнести вслух перед посторонними людьми постыдную, уничтожающую правду: «Мой муж уходит к другой женщине, потому что она ждет от него ребенка, а мне дал пять дней на выселение».

До небольшого районного сквера было пять минут быстрой ходьбы.

Сырой осенний ветер срывал с кленов остатки пожелтевшей листвы, низкое небо затянуло сплошными свинцовыми тучами. Марина шла быстро, не разбирая дороги, почти не глядя под ноги, пока не заметила знакомую сторбленную фигуру на дальней чугунной скамейке у фонтана.

Лидия Петровна сидела, зябко прижав к коленям старую

сумку из кожзаменителя. На ней было темно-зеленое драповое пальто, явно слишком тонкое для холодного октябрьского утра, и выцветший вязаный берет.

Раньше соседка с шестого этажа всегда выглядела подчёркнуто аккуратно и даже нарядно: подкрашивала губы неяркой помадой, носила шелковые шейные платки, тщательно укладывала густые седые волосы в аккуратную причёску. Но в последние несколько месяцев она словно сломалась изнутри — осунулась, побледнела и совершенно перестала обращать внимание на свой внешний вид.

Заметив быстро идущую Марину, Лидия Петровна слабо подняла руку:

— Доброе утро, соседка. Куда ж ты так летишь, словно за тобой черти гонятся? И лицо на тебе... Господи милостивый, что стряслось?

Марина хотела по привычке натянуть вежливую улыбку и сказать, что все в порядке, но стоило ей открыть рот, как спазм перехватил дыхание. Слезы, которые она сдерживала все это время, обожгли глаза. Она тяжело опустилась на холодную скамью рядом со старушкой.

— Вадим уходит.

Лидия Петровна не всплеснула руками, не стала охать или задавать пустых вопросов. Она лишь чуть подалась вперед, внимательно вглядываясь в лицо молодой женщины:

— Другая?

Марина судорожно кивнула, глотая соленый ком:

— Беременная. Он дал мне ровно пять дней, чтобы я полностью освободила квартиру.

— Вот ведь ирод проклятый... — пожилая женщина крепко сжала тонкие, сухие губы. — А с виду такой обходительный был, такой вежливый. Всегда в подъезде поздоровается, сумку тяжелую до лифта донесет, дверь придержит.

— Он и со мной сейчас был исключительно обходителен, — горько усмехнулась Марина. — Прочитал мне целую лекцию о стадиях психологического принятия неизбежного. Заявил, что я потом обязательно пойму, какой он честный и благородный человек.

— Сам себя не похвалишь — от чужих людей вовек не дождешься, — в голосе старушки прозвучала неприкрытая саркастическая злость.

Несмотря на разрывающую сердце боль, Марина слабо улыбнулась.

Лидия Петровна надолго замолчала, глядя на мокрую асфальтовую дорожку перед собой. Ветер шевелил край ее берета.

— Ты только одного никогда не делай, девочка, — тихо, но с удивительной внутренней силой произнесла она. — Ни под каким предлогом не принимай его обратно, когда приползет.

— Он не вернется, Лидия Петровна. Там все решено.

— Все они сначала думают, что не вернуться, — покачала головой соседка. — А в жизни всяко бывает. Там младе-

нец ночами плакать начнет, памперсы грязные, молодая жена окажется далеко не такой ласковой и покладистой в быту, как на тайных свиданиях. Деньги из карманов рекой потекут на врачей да смеси. И вдруг мужику старый дом вспоминается. Где рубашки сами собой в шкафу отглаженные висели, полы блестели, и горячий суп на плите всегда ждал к его приходу.

В ее старческом голосе прозвучало такое бездонное, выстраданное знание жизни, что Марина повернулась к ней всем корпусом.

О непростом прошлом Лидии Петровны в их девятиэтажке знали многие старожилы, но говорили об этом обычно вполголоса. Много лет назад ее собственный муж завел роман на стороне и ушел к молодой любовнице. А спустя три года любовница трагически погибла в аварии, и непутевый муж вернулся на порог к Лидии Петровне с двухлетним мальчиком на руках.

Лидия Петровна простила изменника, приняла чужого ребенка и вырастила Игоря как родного сына. Дворовые кулушки единодушно считали ее чуть ли не святой праведницей. Только сама Лидия Петровна при слове «святая» всегда кривилась в горькой усмешке.

— Вы жалеете, что простили его тогда? — тихо спросила Марина.

— Каждый божий день жалею, — без колебаний ответила Лидия Петровна. — Не о том жалею, что мальчишку вырас-

тила и на ноги поставила — дитя ни в чем не виновато, греха на нем нет. А о том жалею, что саму себя тогда предала с потрохами. Решила: «Раз я хорошая, правильная женщина — значит, обязана все терпеть и нести свой крест».

Она поправила вытертый ремешок сумки:

— Вот и дотерпелась на старости лет. Терпела мужа, его вечное вранье, его пьяные слезы, его черную неблагодарность. А теперь Игорь вырос, привел в дом Жанну и считает, что я в собственной трехкомнатной квартире им под ногами путаюсь и жить мешаю.

Марина почувствовала, как краска стыда заливает ее щеки. Еще десять минут назад ей казалось, что ее личная беда — самая страшная и непреодолимая на всем белом свете. А рядом сидела пожилая, больная женщина, которую изо дня в день методично выживали из собственного дома близкие люди.

— Лидия Петровна, почему вы молчите? Почему в полицию не заявите, участковому не расскажете?

— А что я участковому скажу? Моя половина квартиры по приватизации, их половина. Законы нынче такие. Не бьют смертным боем, синяков видимых не оставляют, на улицу за шиворот не выставляют. Просто житья не дают: музыку по ночам включают, в ванную не пускают, на кухне посуду мою в угол сдвигают. Говорят: «Полежи в своей комнатке, бабка, не отсвечивай». Тут никакая бумага с печатью не поможет, если у людей совести отродясь не было.

Она повернулась к Марине и заглянула ей прямо в глаза:
— Тебе самой-то есть куда податься? К родителям пойдешь?

— К родителям, наверное... — неуверенно протянула Марина.

— «Наравное» — худое слово. У них ведь теснота несусветная? Денис с семьей там так и живет?

— Да. Денис, Оксана и маленький Миша. Я не хочу быть для них обузой, им и так негде развернуться.

— А ты за них наперед не решай, — строго оборвала ее Лидия Петровна. — Немедленно позвони матери.

— Я не хочу ее пугать с утра пораньше. У нее давление...

— Матери, девочка, пугаются не тогда, когда у детей беда случается. Матери седеют и с ума сходят, когда дети в беде молчат и прячутся по углам.

Марина виновато опустила голову. Лидия Петровна накрыла ее холодную ладонь своей узловатой, шершавой рукой:

— Ты молодая, сильная, ты со всем справишься. Только не вздумай уходить из той квартиры с одной дамской сумочкой, словно ты там двенадцать лет в гостях на птичьих правах чай пила. Забирай подчистую все, что покупала на свои деньги. И главное — не тани время. У таких лощеных мужчин мамыши обычно материализуются на пороге быстрее любого судебного пристава.

— У Тамары Борисовны есть дубликат ключей... —

вспомнила Марина.

— Вот видишь! Значит, не сиди сиднем, прямо сегодня и начинай действовать.

Они посидели еще немного в молчании. Осенний ветер сорвал с ветки тяжелую гроздь рябины и бросил под ноги. Мимо по аллее прошла молодая мать, катя перед собой яркую прогулочную коляску. Лидия Петровна посмотрела ей вслед и негромко произнесла:

— Знаешь, Мариша... Иногда человеку кажется, будто жизнь его в одночасье кончилась и впереди только темень. А потом проходит время, раны затягиваются, и ты вдруг понимаешь: кончилась вовсе не жизнь. Кончилась только та ее дурная часть, в которой тебе было бесконечно плохо. Просто сразу, из ямы, этого не разглядеть.

Глава 5. Семейный совет на тесной кухне

К родителям Марина поехала ближе к вечеру. Предупредить звонком намеренно не стала: прекрасно знала характер Надежды Ивановны. Стоило матери услышать в трубке хоть малейшую тревожную нотку в голосе дочери, как та немедленно бросила бы все дела, затеяла готовку трех сложных горячих блюд и каждые пять минут выглядывала бы в окно, накручивая давление до опасных пределов.

Дверь в квартиру открыл Денис. На младшем брате были полинявшие домашние трико и вытянутая серая футболка со свежим оранжевым пятном от тыквенного детского пюре на плече.

— О, сеструха! — Денис удивленно моргнул, отступая вглубь узкой прихожей. — А ты чего без предупреждения? Вадим опять на своих симпозиумах? Мам, встречай гостей!

Из глубины коридора с веселым топотом выскочил трехлетний Мишка, сжимая в обеих ручонках массивный пластмассовый самосвал с отломанным бортом:

— Тетя Маина присла!

Мальчик с разбегу врезался ей в колени, обхватив маленькими ручками. Марина опустилась на корточки, прижала теплое, пахнущее карамелью и детским мылом тельце пле-

мянника к груди, зажмурилась и впервые за этот бесконечный, разрывающий душу день почувствовала, что ледяной спазм в легких наконец отпускает. Она снова могла дышать.

— Привет, мой хороший, — тихо прошептала она в мягкие вихры на его макушке. — Как ты тут?

— Я мост послоил! Во-о-от такой большой из кубиков! Пойдем сколей, покажу!

— Сейчас, зайчик, только куртку сниму.

Из кухни торопливо вышла Надежда Ивановна, на ходу вытирая мокрые руки вафельным полотенцем с вышитыми петухами:

— Маришка? Господи, а чего ж не звякнула с утра? Я бы шарлотку в духовку поставила, тесто бы завела. Ты голодная ведь небось? Конечно, голодная, лица на тебе нет, щеки ввалились! Денис, метнись на кухню, достань из холодильника оливье. Оксана Мишку кормила, сама толком не поужинала. Сейчас все вместе и сядем.

— Мам, не суетись, пожалуйста, — мягко попросила Марина, вешая ветровку на перегруженную деревянную вешалку.

— А я не суечусь, я двигаюсь! — привычно парировала мать.

Из гостиной, где негромко бубнил телевизор, неторопливо вышел отец. Виктор Семенович молча подошел к дочери, тяжело положил широкую шершавую ладонь ей на плечо и поцеловал в висок. В этом скупом мужском жесте было боль-

ше тепла и сочувствия, чем в сотне длинных речей.

В двухкомнатной хрущевке царила привычная, тесная су-ета.

На раскладной сушилке в крошечном коридоре теснились ползунки и детские кофточки. Возле входной двери стояла громоздкая коляска-трансформер, занимая треть прохода. На кухонном подоконнике ровными рядами стояли стеклянные банки с крупами — в кухонных шкафчиках катастрофически не хватало полок.

Денис с семьей перебрался к родителям четыре месяца назад, после того как хозяин их съемной квартиры внезапно решил продать недвижимость. Молодые спешно копили на первый взнос по ипотеке, регулярно клялись, что стеснят стариков «буквально до Нового года», но пока шесть человек с трудом делили сорок два квадратных метра жилплощади.

Марина окинула взглядом этот шумный, тесный мирок и с горечью поняла: оставаться здесь жить надолго попросту невозможно. И вовсе не потому, что ее прогонят или попрекнут куском хлеба — как раз наоборот.

Родные без малейших колебаний потеснятся, отдадут ей единственный свободный диван на кухне, Денис с Оксаной начнут передвигаться по коридору на цыпочках, а мать будет украдкой подкладывать ей лучшие куски. А Марина станет каждый день задыхаться от мучительного стыда, глядя, как невестка на ночь складывает детскую коляску в тесной ванне, а стульчик для кормления выносит на продуваемый балкон,

чтобы освободить лишний метр пространства.

За ужином Марина механически пережевывала еду, слушала сбивчивый Мишкин рассказ про сломанный подъемный кран, кивала отцу, рассуждавшему о ценах на бензин, и невпопад отвечала на дежурные вопросы матери о работе. Начать страшный разговор она не решалась.

Только спустя полтора часа, когда Мишку наконец уложили спать, отец ушел в комнату досматривать выпуск криминальных новостей, а Денис отправился принимать душ, Надежда Ивановна заварила свежий чай с мятой, поставила чашку перед дочерью, села напротив и уперлась тяжелым, пронизательным взглядом в ее лицо.

— Ну а теперь говори, — тихо, но со стальной непреклонностью произнесла мать. — Зачем приехала на ночь глядя? Ты весь вечер улыбаешься так, будто у тебя открытый перелом.

Марина обхватила горячий фарфор ладонями, чувствуя, как мелко дрожат пальцы:

— Мы с Вадимом разводимся.

Надежда Ивановна замерла. Чашка в ее руке так и не коснулась блюдца.

— Что этот мерзавец сделал?

Ни тени сомнения. Никакого шаблонного «что у вас случилось?». Только один четкий вопрос: «Что он сделал?».

От этой безоговорочной, слепой материнской веры у Марины обожгло глаза слезами. Она с трусила судорожный

вздых:

— У него другая женщина. Она беременна. Вадим дал мне пять дней на то, чтобы я полностью освободила квартиру к ее выписке из больницы.

Надежда Ивановна медленно, очень аккуратно опустила чашку на клеенку стола.

— Повтори.

Марина повторила. Коротко, почти сухими фразами, без надрыва и ненужных эпитетов. Рассказала про Алису, про выписку в воскресенье, про поданное неделю назад заявление в суд и про то, как муж советовал ей пройти все «стадии цивилизованного принятия».

Мать слушала молча, не перебивая ни единым звуком. Только тонкие губы ее сжимались все плотнее, превращаясь в бескровную полоску, а в уголках глаз залегли глубокие, жесткие морщины.

— Значит, так, — отчеканила она, когда Марина закончила. — Сегодня ты в ту квартиру больше не вернешься. Ночевать останешься здесь.

— Мам, я приехала только попросить, чтобы Денис помог мне на днях перевезти пару сумок с вещами, — торопливо заговорила Марина. — Я найду риелтора, сниму недорогую однушку...

— Вещи перевезем. И тебя перевезем, — отрезала мать.

— Мама, у вас и без меня повернуться негде!

— Места в доме мало, а семьи в этом доме много. Это

принципиально разные вещи, Марина.

— А Оксана? Ей и так тяжело с ребенком в таких условиях...

— Я все прекрасно поняла, — раздался тихий голос от дверного проема.

Марина резко обернулась. На пороге кухни стояла Оксана в байковом махровом халате, прижимая к груди чистую детскую пижаму. Взгляд невестки был абсолютно серьезным и решительным:

— И даже не смей думать, Марина, будто ты нам помешаешь. Мы сами здесь на птичьих правах сидим, пока ипотеку одобряют. Диван на кухне широкий, раскладывается в два счета. Денис, правда, во сне храпит, но с этим мы разберемся.

— Я не храплю! — послышался возмущенный крик Дениса из коридора сквозь шум выключаемой в ванной воды.

— Ты просто спишь крепко и себя со стороны не слышишь, — без тени улыбки отозвалась Оксана.

Виктор Семенович бесшумно выключил телевизор и вошел на кухню, на ходу застегивая верхнюю пуговицу фланелевой рубашки.

— Вадим твой когда точно из города улетел? — спросил отец глухим, низким голосом.

— Утром. Сказал, что вернется только в воскресенье утром к рейсу.

— Мать его в курсе?

— Да. Он велел мне отдать ей ключи.

Надежда Ивановна с грохотом отодвинула стул и решительно поднялась на ноги:

— Тогда чего мы тут расселись и лясы точим?

— Мам, на часах девять вечера! — растерялась Марина.

— И что с того? Ночью чемоданы и коробки тяжелее не становятся! Завтра с утра Тамара Борисовна припрется со своими дубликатами, усядется на твою стиральную машину и станет стеречь добро своего ненаглядного сыночка, пока он по командировкам хвостом крутит. Нет уж, шалишь! Виктор, одевайся. Денис, вылезай из ванны, живо!

— Папа, пожалуйста, не надо, — Марина вскочила со стула, умоляюще глядя на отца. — Я не хочу устраивать ночные набеги и кого-то напрягать...

Виктор Семенович подошел к дочери, положил тяжелые руки ей на плечи и посмотрел прямо в глаза:

— Ты нам не посторонняя девка с улицы, которой мы одолжение из вежливости делаем. Ты наша родная дочь. И в обиду тебя никто не отдаст — ни Вадиму, ни его мамаше. Поняла меня?

После этих простых слов плотина внутри Марины окончательно рухнула. Она закрыла лицо ладонями и горько, безудержно разрыдалась — впервые за весь этот кошмарный день позволив себе быть слабой и беззащитной.

Глава 7. Маленький брелок в форме дома

Тамара Борис

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.